

Российская академия наук

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

2006 * 6

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

Декабристы и эмиграция

Каким же он был декабрист Павел Пестель?
Четыре взгляда на книгу О.И. Киянской «Пестель»

Император Александр I и профессор Г.Ф. Паррот

Механизм назначения губернаторов в России первой половины XIX в.

Е.Ф. Канкрин и развитие горного дела в России

Адвокат Н.К. Муравьев и политические процессы
в России (конец XIX – начало XX в.)

Государственный Совет Российской империи в нача-
ле XX в.

Зарождение советской лагерной системы

Единоличники западной Сибири в 1930-е годы

Политика Н.С. Хрущева в аграрной сфере

К 150-летию со дня рождения. Г.В. Плеханов и совре-
менная Россия

ноябрь
декабрь
2006 * 6

Для Ильинова
№ 2232

чагова). М., 2003; Во имя правды и достоинства Церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт. и сост. А.В. Журавский. М., 2004; Зеленогорский М.Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991; Нечаев М.Г. Страсти по Андронику: жизнеописание и подвиг новомученика. Пермь, 1996; Агафонов П. Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. Пермь, 1996; Архиепископ Феодор (Поздеевский). Жизнеописание. Избранные труды. Сергиев Посад, 2000.

⁴⁶ Да будет воля Твоя... С. 26.

⁴⁷ Тверские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. Часть офиц. С. 75–76; № 15–16. Часть неофиц. С. 141.

⁴⁸ Одинцов М.И. Государство и Церковь... С. 29.

⁴⁹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь... С. 69.

⁵⁰ Фирсов С.Л. Православная церковь и государство... С. 575–576.

⁵¹ См., напр.: Красников Н.П. Социально-этические воззрения Русского православия в XX веке. Киев, 1988. С. 70–71; Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. М., 1996. С. 26–28.

⁵² Бабкин М.А. Святейший синод... С. 107.

⁵³ См.: Асмус В., прот. Комментарий к Параграфам 34, 35, 36 из «Философии Культа» священника Павла Флоренского // Regnum Aeternum (Царство Вечное). М.; Париж, 1996. № 1. С. 9.

⁵⁴ В 1905–1917 гг. среди историков, богословов, юристов и даже широкой общественности популярны были дискуссии о сложившихся в России с XVIII в. церковно-государственных отношениях. На страницах церковных изданий проповедовалась заимствования у католиков богословская система, согласно которой Церковь состоит из двух неравных частей – иерархии и мирян. Иерархия принадлежит внутрицерковная власть и право управлять, учить и освещать, а миряне должны лишь повиноваться воле духовенства. Причем в такой модели христианский монарх причислялся к мирянам (без приведения, однако, необходимых для этого доказательств). Из числа мирян глава государства мог выделяться лишь в том случае, если ему некоторые церковные полномочия предоставит духовенство (первосвященник). Иными словами, в церковной среде сложившиеся в России церковно-государственные отношения стали характеризоваться термином «цезарепапизм». Вместе с тем среди духовенства появилась определенная тенденция к лишению императора его церковных полномочий, к десакрализации царской власти. В современной литературе при характеристике взаимоотношений православной Церкви и государства синодального периода авторы стараются не использовать термин «цезарепапизм». Вопрос о церковных правах царя официальной церковной наукой (как исторической, так и богословской) практически не рассматривается. Одна из причин этого, по-видимому, состоит в желании уйти от рассмотрения вопроса о правомочности определенных действий в отношении последнего императора, предпринятых представителями священноначалия в период 1905–1917 гг. Другая причина заключается в «неактуальности» этого вопроса из-за отсутствия одной из «заинтересованных» сторон – царской власти.

К 150-летию со дня рождения Г.В. Плеханова

© 2006 г. Б.С. ОРЛОВ, С.В. ТЮТЮКИН*

Г.В. ПЛЕХАНОВ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

11 декабря 2006 г. исполняется 150 лет со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918). Сказать, что это одна из выдающихся личностей российской истории и талантливейший человек необычной судьбы, значит сказать банальность, очевидную для каждого интересующегося нашим прошлым и историей международного рабочего и социалистического движения. Но сколько же самых разных красок и их оттенков понадобилось бы художнику, чтобы написать правдивый исторический портрет этого выдающегося сына России, и сколько удивительных поворотов и метаморфоз вместили в себя неполные 62 года жизни, отпущеные ему судьбой! Ведь Плеханов познал и тревожную, полную опасностей романтику русского революционного подполья, и тихие радости творческого интеллектуального труда, нищету, болезнь и

* Орлов Борис Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института информации по общественным наукам РАН.

Тютюкин Станислав Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

сытый комфорт европейской жизни, радости любви и дружбы и горечь непонимания, отчуждения и вражды.

37 лет – а это больше половины его жизни – Плеханов провел в вынужденной эмиграции на Западе, во время которой он сполна испытал и чувство тоски по далекой родине, и наслаждение от приобщения к ценностям западноевропейской цивилизации. А когда весной 1917 г. он возвратился наконец в, казалось бы, такой долгожданный красный, свободный, революционный Петроград, то очень скоро столкнулся еще с одним парадоксом: Плеханов уже не понимал этой новой, на глазах демократизировавшейся России, а она не понимала и не принимала своего «поумневшего» на Западе и отвыкшего от родины пророка.

Стержнем всей сознательной жизни Георгия Валентиновича была политическая и интеллектуальная борьба, вечный спор со своими оппонентами, главным из которых стал его бывший ученик и горячий почитатель В.И. Ульянов-Ленин. Поэтому не приходится удивляться тому, что отношение к Плеханову и при жизни, и после его смерти было неоднозначным, и порой труднообъяснимым. Так, большевики сначала богохвалили Плеханова, затем стали видеть в нем своего идеального противника, а потом и ренегата социализма. Их решительно не устраивали его предостережения по поводу последствий преждевременного захвата Лениным власти, обвинения в разжигании гражданской войны и разрыве с марксизмом. Не случайно большевики отказались в июне 1918 г. участвовать в похоронах Плеханова, вылившихся во внушительную демонстрацию, в сущности, антисоветского характера.

Однако уже в 1920-е гг. ситуация вокруг личности Плеханова и его творческого наследия стала меняться. Несмотря на личные и партийные обиды на Плеханова, Ленин сохранял восхищение «физической силой» его ума и как выдающийся политик-программист и главный теоретик советского коммунизма пришел к выводу о необходимости всемерно использовать плехановское наследие для своеобразной идеологической легитимации нового строя. Разумеется, большевики не отказывались при этом от обвинений Плеханова в политическом оппортунизме и разного рода теоретических ошибках, но не видели оснований отрицать его выдающуюся роль в пропаганде марксистского учения и создании марксистской партии рабочего класса в России. Поистине крылатыми стали слова Ленина о том, что нельзя стать настоящим коммунистом, не изучив – именно изучив – всего того, что было сделано Плехановым в области марксистской философии¹. Так началась вторая жизнь Плеханова как мыслителя-социалиста, марксистские труды которого могут помочь в формировании мировоззрения советских людей. Вспомнили и о том, что Плеханов, по оценке того же Ленина, никогда не был сто процентным меньшевиком и часто занимал «особую позицию» по целому ряду важных вопросов, встававших в ходе внутрипартийной борьбы в РСДРП.

В 1920-е гг. стало выходить собрание сочинений Плеханова (оставшееся, правда, незавершенным), его именем называли улицы и высшие учебные заведения, по Волге плавал пароход «Плеханов», а в Ленинграде в 1928 г. открылся Дом Плеханова (ныне сектор Российской национальной библиотеки)², где находится его архив и перевезенная из Швейцарии библиотека и ведется большая научная работа по изучению и изданию литературного наследия великого мыслителя. Однако в 1930-е гг. по указанию Сталина отношение к Плеханову вновь стало меняться в худшую сторону. Диктатор приказал «разоблачать» Плеханова, поскольку он свысока относился к Ленину. Но главное, видимо, заключалось в том, что плехановская критика «казарменного социализма» в книге «Социализм и политическая борьба» била не в бровь, а в глаз установленному Сталиным в СССР режиму, а порядки в ВКП(б), как две капли воды, были похожи на ту саркастическую характеристику революционной партии, где уничтожена внутрипартийная демократия, которую дал Плеханов еще в 1904 г. Лишь в 1941 г., когда фашисты стояли у ворот Москвы, Сталин вдруг причислил Плеханова вместе с Лениным к великим сынам русского народа, быстро забыв, однако, об этом после победы над врагом³. Очередной перелом наступил в 1956 г. после XX съезда КПСС, когда в СССР торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения Плеханова и был выпущен

5-томник его избранных философских трудов. При этом проводилось четкое различие между Плехановым – ортодоксальным революционным марксистом (1883–1903 гг.) и Плехановым-меньшевиком, совершившим в конце 1903 г. некое трагическое «грехопадение»⁴.

В наше время, когда в некоторых общественных кругах и российские революционеры, и социализм объявлены трагической ошибкой и чуть ли не преступлением, Плеханов-революционер и Плеханов-социалист практически почти забыты, но Плеханов как историк общественной мысли, философ, социолог, литературовед, а главное – как политический антагонист большевизма и критик Ленина и Октябрьской революции остается в ряду видных деятелей отечественной культуры и одним из первых борцов с тоталитарным советским режимом. Характерно, что в одном из современных вузовских учебников по истории России можно прочитать следующее: «Будучи человеком образованным, жившим интересами современной ему культуры, Плеханов был лично благородным и этически глубоким человеком. Хотя по своим идеяным воззрениям он и исповедовал «классовую мораль».., он тем не менее не отрицал общечеловеческую мораль с ее незыблемыми принципами»⁵. И если коммунистам очень хотелось, чтобы, несмотря ни на что, Плеханов почитался в СССР как один из основателей РСДРП, ставшей колыбелью большевизма, ее идеолог и борец-подвижник за интересы пролетариата, то ныне в нем видят, в лучшем случае, критика Ленина и ленинизма и мыслителя-энциклопедиста, многие труды которого остаются неотъемлемой частью великой русской культуры. Думается, что последнее было бы Плеханову, несомненно, приятно, а вот за марксизм и социализм (в его подлинном истолковании) ему было бы обидно и горько, поскольку Георгий Валентинович ушел из жизни марксистом, социал-демократом и революционером – не узким фанатиком, воспевающим гильотину и насилие, а борцом за социальную справедливость и благо народа.

Таким образом, пунктирно прослеженная выше эволюция оценок общественно-политической деятельности Плеханова еще раз подтверждает парадоксальный взгляд на Россию как на страну с поистине «непредсказуемой историей», но многогранность и масштабность его личности помогли «отцу русского марксизма», как часто называют Георгия Валентиновича на Западе, навсегда остаться в исторической памяти нашего народа. И пусть Плеханов-политик и революционер-социалист не избежал конъюнктурных переоценок, но Плеханов-мыслитель и сегодня с нами, а его наиболее оригинальное и глубокие научные труды будут вызывать интерес и находить благодарный отклик еще у многих и многих поколений россиян. При этом свою задачу авторы настоящей статьи видят не в том, чтобы воспроизвести здесь основные вехи биографии Плеханова, отсылая читателей к серьезной научной литературе о нем, вышедшей в свет в последние годы⁶, а в том, чтобы постараться ответить на вопрос: чем же может быть интересен наш герой сегодня, в постсоветской России начала XXI в.? Но начать нам все равно придется с сохраняющих свою актуальность вопросов об оценке Плехановым Ленина и Октябрьской революции, открывшей период Новейшей истории России.

Как известно, в современных российских СМИ периодически ведутся разговоры о том, что пора официально признать весь советский этап отечественной истории трагической ошибкой, вынести тело Ленина из Мавзолея, очистить Красную площадь от захоронений видных деятелей Октябрьской революции и советского государства. В этой связи нередко вспоминают и о том, что возвратившийся весной 1917 г. на родину Плеханов решительно выступил против Ленина, а затем безоговорочно осудил и Октябрьскую революцию. Сейчас эта проблема, освещавшаяся в советской историографии крайне односторонне и во многом предвзято, уже не окружена белой атмосферой недоговоренности и чуть ли не секретности (заметим, что произведения Плеханова 1914–1918 гг. долгое время находились в спецхранилищах). И все же имеет смысл напомнить здесь некоторые факты и основополагающие высказывания Плеханова, относящиеся к последнему году его жизни, который он снова провел в России.

С начала Первой мировой войны для Плеханова наступили трудные времена. Признав, что столкнувшиеся с неприкрытой германской агрессией россияне должны защищать свою родину от врага, он разошелся и с большевиками, от имени которых Ленин

объявил «революционное пораженчество» оптимальным вариантом социалистической тактики на период войны и призвал к превращению войны империалистической в войну гражданскую во всемирном масштабе, и с основной частью меньшевиков, выступавших за скорейшее заключение демократического мира без аннексий и контрибуций, но реально ограничивавшихся в лучшем случае лишь чисто словесной критикой империализма и самодержавия. Начиная с осени 1915 г. Плеханов готов был даже допустить возможность в России демократической революции во имя мобилизации всех сил нации на разгром врага, но на деле занимал среди российских социалистов крайне правые и весьма непопулярные у сознательных рабочих «оборонческие» позиции, сближавшие его с леволиберальными оппозиционными кругами. Так, он советовал меньшевистским депутатам Государственной думы голосовать за военные кредиты и призывал рабочих посыпать своих представителей в военно-промышленные комитеты, призванные помочь мобилизации промышленности для снабжения фронта всем необходимым.

Столь «лобовое», безоговорочное «оборончество» Плеханова удивляло многих его современников и до сих пор остается некоторой загадкой для историков, тем более, что в годы русско-японской войны он проявил себя как истинный интернационалист и даже видел в поражениях русской армии фактор, играющий на руку революционерам и революции. Понятно, что в 1914 г. Россия столкнулась с гораздо более сильными и грозными противниками, чем маленькая Япония, причем агрессивность и империалистические замыслы Германии были настолько очевидны, что отрицать ее роль как зачинщика войны было просто невозможно. Тем не менее бросался в глаза достаточно односторонний и чересчур пессимистический подход Плеханова к определению возможных последствий поражений русской армии для судеб освободительного движения в стране.

Во-первых, в Новое и Новейшее время ни одна война не заканчивалась для России полным разгромом, чреватым национально-государственным коллапсом. Во-вторых, сравнительно недавний опыт русско-японской войны и условия Портсмутского мира 1905 г. должны были бы подсказать Плеханову, что западные страны не заинтересованы в разгроме России, так как это резко нарушило бы сложившееся на международной арене соотношение сил. В-третьих, неудачи России в Крымской и русско-японской войнах вызвали в первом случае Великие реформы и в дальнейшем достаточно сильное народническое движение, а во втором – настоящую народную революцию. Наконец, в-четвертых, справедливо поставив вопрос о «сверхсметных» грехах германского империализма по сравнению с английским, французским или российским, Плеханов слишком увлекся обвинениями в адрес Германии и как бы закрыл глаза на империалистические планы держав Антанты, включая Россию. В итоге широко известный прогностический плехановский сценарий: поражение России – установление в ней чего-то вроде германского ига – стагнация всей экономической и общественно-политической жизни в нашей стране – был изначально надуманным.

Не сработал и сформулированный Плехановым во введении к первому тому «Истории русской общественной мысли» (он вышел в июне 1914 г.) закон, согласно которому в условиях войны на смену классовой борьбе приходит сотрудничество классов во имя спасения родины от внешнего врага. После кратковременного спада протестного движения во второй половине 1914 – начале 1915 г. в России, как известно, вновь сложилась предреволюционная ситуация, опрокинувшая все прогнозы Плеханова. Кроме того, нужно учитывать, что его позиция в 1914–1918 гг. во многом определялась социал-патриотическими настроениями лидеров II Интернационала и неверием Плеханова (в отличие от Ленина, Троцкого и отчасти Мартова) в близость мировой антиимпериалистической революции, что во многом предопределило его настроения и поведение в годы Первой мировой войны. Сыграла свою роль и активизация либерально-оппозиционного движения в России в 1915 – начале 1917 гг., оживившая давние надежды Георгия Валентиновича на конструктивное взаимодействие различных по своему классовому содержанию потоков освободительного движения в России. В силу названных причин Плеханов

во многом утратил свой былой авторитет революционера-интернационалиста и уже не мог претендовать на роль одного из вождей новой русской революции.

После того, как в России совершенно неожиданно даже для самих революционеров произошла Февральская революция 1917 г., многие социалисты-эмигранты спешно собирались в дорогу на родину, ставшую в одночасье едва ли не самой свободной страной мира⁷.

В ночь с 31 марта на 1 апреля 1917 г. на петроградский Финляндский вокзал прибыл поезд, среди пассажиров которого были Плеханов и его жена Р.М. Боград-Плеханова, а 3 апреля аналогичной торжественной встречи с оркестром и красными знаменами были удостоены также Ленин и его товарищи. Но разница между двумя этими церемониями была огромная. Георгия Валентиновича встречала в основном радикально настроенная столичная интеллигенция, студенты, немногочисленные рабочие и члены маленькой межфракционной группы «Единство», возникшей еще в 1914 г. и возобновившей работу незадолго до прибытия в Россию своего лидера – Плеханова, тогда как Ленина приветствовали тысячи рабочих, солдат, матросов, а также большевистские партийные функционеры. Плеханов выглядел больным и усталым, тогда как от лидера большевиков исходила какая-то всесокрушающая энергия. От «отца русского марксизма» встречавшие не услышали практически ничего нового: это были все те же призывы к продолжению войны до победного конца и защите молодой российской демократии. Ленин же буквально ошеломил своих слушателей, провозгласив лозунг скончавшегося перехода от демократического этапа российской революции к этапу социалистическому, причем предложенная им тактика партии выглядела более чем радикально: никакой поддержки Временного правительства, никакого объединения с меньшевиками, курс на мировую революцию. Напомним, что это в корне противоречило линии стоявших тогда во главе редакции «Правды» Л.Б. Каменева и И.В. Сталина на условную поддержку Временного правительства и участие России в продолжении войны впредь до заключения всеобщего демократического мира. Однако Ленину удалось быстро переориентировать большевиков на поддержку своей стратегии и тактики и возглавить энергичную и достаточно эффективную работу окончательно порвавшей весной 1917 г. с меньшевиками партии большевиков во всех регионах страны.

В глазах Плеханова позиция лидера большевиков выглядела настоящим «бредом» (он так и озаглавил одну из своих статей в газете «Единство»). При этом Плеханов опирался на известное положение марксизма, согласно которому преждевременный отказ от не исчерпавшего себя до конца капитализма чреват для революционной партии поистине фатальными последствиями, ибо построить социализм из народной нищеты, бескультурья и отсталости нельзя. Ленин же, наоборот, все больше утверждался в той мысли, что в том наиболее слабом звене мировой капиталистической системы, каким была тогда Россия, в условиях назревания мировой революции (а в этом лидер большевиков был абсолютно уверен) революционная партия может начать с захвата власти, а затем уже, с помощью победившего на Западе пролетариата, «подтягивать» уровень развития экономики и культуры страны. Примирить эти две позиции было практически невозможно, а это означало, что российскую интеллигенцию, а вместе с ней и все российское общество ждет остройшая идеино-политическая борьба за выбор одного из двух предложенных, соответственно, меньшевиками, разделявшими в целом плехановскую точку зрения по данному вопросу, и большевиками вариантов дальнейшего развития страны – демократизацию и «социализацию» капитализма или строительство принципиально нового, социалистического общества.

Было тогда между положением Плеханова и Ленина и еще одно очень важное различие. От «пораженца» Ленина Временное правительство ждало одних только неприятностей, хотя в условиях беспрецедентной демократизации России после свержения царизма лидера большевиков ему приходилось скрипя сердце терпеть. «Оборонца» же Плеханова можно было использовать для укрепления революционно-патриотических настроений широких народных масс и солдат действующей армии. Недаром новый военный и морской министр А.И. Гучков еще до приезда Плеханова в Петроград напра-

вил ему телеграмму, где говорилось: «Ваш немедленный приезд был бы очень полезен для спасения Отечества...»⁸. И надо сказать, что эту историческую миссию Плеханов принял и по мере сил выполнял на протяжении всего 1917 г. Характерная деталь: заболевшего по приезде в Петроград после трудной дороги Плеханова навестили председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко, новый Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев, адмирал А.В. Колчак, правый депутат Думы В.М. Пуришкевич, которых еще недавно Георгий Валентинович считал своими политическими врагами, а теперь обменивался с ними приветствиями и любезностями.

Больше того, Плеханов получил даже лестное предложение занять пост министра труда (до 1917 г. его в составе российского правительства вообще не было) в кабинете кн. Г.Е. Львова, но руководство Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов отказалось санкционировать подобное назначение, хотя сам Георгий Валентинович был и не прочь попробовать свои силы на государственном поприще. Позиция лидеров Совета во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе объяснялась тем, что в то время они пытались ограничиться лишь «контролем» над новыми министрами, не связывая себя прямым участием в правительстве. Кроме того, позиция Плеханова выглядела в глазах большевиков и большинства меньшевиков и эсеров слишком «буржуазной» и вызывала у них явное неприятие. Аналогичная судьба постигла в июле 1917 г. и адресованное Плеханову предложение А.Ф. Керенского войти в его кабинет в качестве министра торговли и промышленности. Были виды на Плеханова в качестве министра и у генерала Л.Г. Корнилова, а Б.В. Савинков вскоре после Октябрьской революции предлагал Георгию Валентиновичу даже возглавить антибольшевистское правительство в случае свержения ленинского Совнаркома, но получил знаменательный ответ: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я буду его расстреливать тогда, когда он идет по ложному пути. И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого»⁹.

В 1917 г. Плеханов исходил из того, что после свержения царизма перед Россией открылся достаточно длительный исторический период, в ходе которого общество созревает для дальнейшего развития в режиме демократических свобод и рыночной экономики, являющихся необходимым условием для последующего перехода к социализму, в чем Георгий Валентинович был уверен. Он считал, что Россия должна «вжиться» в эту новую реальность, воспользоваться ее плодами и «дозреть» для перехода к социалистическому будущему. При этом торопливость в этом глубоко закономерном, по убеждению Плеханова, процессе казалась ему совершенно недопустимой и чреватой такими огромными издержками, которые дискредитировали бы саму идею социализма.

Нет необходимости подробно останавливаться здесь на всех деталях биографической хроники Плеханова за 1917–1918 гг. Он мужественно борлся с прогрессировавшей болезнью (туберкулез), несколько раз выступал на разного рода политических мероприятиях и очень интенсивно сотрудничал в газете «Единство», большой цикл статей в которой стал его своеобразным публицистическим дневником (они были изданы в 1921 г. в Париже в двухтомнике: «Г.В. Плеханов. Год на родине»). Процитируем несколько наиболее ярких его высказываний того периода, раскрывающих саму суть взглядов Плеханова-политика после возвращения в Россию. «Наша обязанность защищать весь русский народ от немцев, защищать его от Гогенцоллернов», – призывал он¹⁰. Совершенно недвусмысленно звучали и его слова о союзническом долге России по отношению к демократическим странам Антанты: «Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение всей демократической Европы»¹¹. Не менее категоричной была и его позиция в отношении Временного правительства: «Задача левых партий заключается в систематическом упрочении позиций, добытых только что свершившейся революцией. Для решения этой задачи они должны не низвергать Временное правительство, как этого хотели бы некоторые политические фанатики, а дружно поддерживать его»¹².

В отличие от большевиков, Плеханов призывал в 1917 г. к социальному компромиссу и взаимным уступкам антагонистических классов. За 20 лет до этого он гневно об-

личал Бернштейна (хотя и признавал, что «кое в чем» он прав), а теперь, после того, как социалисты вошли в состав Временного правительства, говорил: «Товарищи социалисты могут предъявлять свои требования. Но не должно быть таких требований, которые неприемлемы для представителей других классов, для выразителей интересов других слоев населения»¹³. Но что стояло за подобной метаморфозой? Смена стратегических ориентиров и отказ от социализма? Предательство интересов народа? Именно так считали в то время большевики, а затем вся советская историография. Думается, однако, что перед нами пример совсем другого свойства, попытка зрело и звешенно осмыслить ту новую ситуацию, которая сложилась в России и в мире в годы войны, хозяйственной разрухи и успеха демократических сил в России в 1917 г. («двоевластие») и потребовала по-новому защищать интересы трудящихся, стараясь не допустить при этом гражданской войны и дальнейшего нарастания хаоса и полной разбалансировки всех составных частей государственного и общественного организма.

Глубоко выстраданным и тщательно продуманным было выступление Плеханова на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. Он рассказал своим слушателям – а в Большом театре собралась политическая и социальная элита тогдашней России – старинную ирландскую притчу о двух кошках, которые дрались до тех пор, пока от них не остались одни хвосты. Это был прозрачный намек на то, что необходим хотя бы временный компромисс между трудом и капиталом, поскольку предприниматели не могут жить без рабочих, а тем, в свою очередь, нужны работодатели. Последних Плеханов призывал к осуществлению широких социальных реформ, а их классовых антагонистов – к разумному ограничению своих требований. «Наше спасение не в гражданской войне, а в добросовестном соглашении двух классов, – подчеркнул он. – Горе утопистам, отказывающимся понять это, – все равно к какому классу они бы ни принадлежали».

Концовка же речи Плеханова выглядела так: «Если мы не придем к такому соглашению, то что будет? Будет ваша гибель (обращается направо, где сидели представители "верхов". – Авт.). Будет ваша гибель (обращается налево, где сидели социалисты и представители общественных организаций. – Авт.). Будет гибель всей страны»¹⁴. Речь Георгия Валентиновича была встречена аплодисментами и слева, и справа. Однако жизнь показала, что Плеханов, стремившийся в марксистский период своей общественно-политической деятельности быть политиком-реалистом, оказался в решающий момент отечественной истории классическим утопистом. Его советы были неприемлемы ни для «верхов», ни для «низов» российского общества, которые стремительно шли к решающей схватке. И невозможность примирить их предопределила полную несостоятельность позиции Плеханова и его политический крах, причем он с горечью вынужден был признать уже 29 августа – за два месяца до вооруженного свержения Временного правительства большевиками и левыми эсерами: «Гражданская война уже началась», а 3 октября предрек: «В. Ленин займет место А. Керенского. Это будет началом конца нашей революции»¹⁵.

По мнению Плеханова, Ленин, которого он искренне приветствовал в 1895 г. в Швейцарии, должен был теперь принести России настояще несчастье. Он честно признавался, что не знает, является ли лидер большевиков платным немецким агентом, хотя и был уверен, что если Ленин и вступил в контакт с кайзеровской разведкой, то никакой личной корысти у него при этом не было. Тем не менее Плеханов упрекал Керенского за то, что премьер не сумел организовать розыск и арест большевистского вождя после известных событий в Петрограде в июле 1917 г.¹⁶ Плеханов не скрывал, что его разделяет с Лениным очень многое: и отношение к принципу демократического централизма в сфере партийного строительства, и трактовка вопроса о союзе РСДРП с либералами, прежде всего, с партией кадетов, и решение кардинальной проблемы «Россия и социализм». Как уже отмечалось, Плеханов зло высмеял «Апрельские тезисы» Ленина за саму постановку вопроса о социалистической революции в России как о реальной перспективе, открывающейся перед нашей страной после свержения монархии в условиях порожденного войной кризиса мировой капиталистической

системы. При этом Плеханов повторял азы марксизма, подчеркивал, что для строительства социалистического общества нужны 2 предварительных условия: высокий уровень развития производительных сил и высокий уровень сознания трудящегося населения, прежде всего рабочих. Анализ реальной ситуации в России подсказывал Плеханову, что «толковать об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию»¹⁷.

Блестящая эрудиция и умение Плеханова излагать сложные социологические проблемы в яркой, афористической форме позволило ему и на этот раз дать поистине крылатую формулу, обошедшую затем не один учебник истории и обществоведения: «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма»¹⁸. Но желания Ленина были значительно скромнее, ибо он, образно говоря, мечтал тогда для народа России не о каком-то «пшеничном пироге», а хотя бы о хорошем куске ржаного хлеба, который был бы на столе в каждой российской семье, сильно девальвировав, таким образом, само понятие социализма, но зато завоевывая для своей партии миллионы новых сторонников. Поэтому, видимо, два выдающихся теоретика так и не смогли договориться в 1917 г., о перспективах развития революции в России и о контурах будущего общества, которое предстояло создать в ее результате. Прозрение пришло к коммунистам, как известно, много позже, через 70 лет советской власти.

А тогда, в 1917 г., Плеханов был убежден, что капитализм и буржуазия еще являются объективной реальностью, с которой приходится считаться всем трезво мыслящим политикам. Развивая свою мысль, Георгий Валентинович писал: «Демагоги... возглалят на разные голоса, что я советую социалистам петь хвалы буржуазии. Это, разумеется, вздор. Мы должны критиковать буржуазию, мы должны всеми силами отстаивать от ее посягательств интересы рабочего класса. Но мы должны это делать разумно и целесообразно; мы должны позаботиться о том, чтобы, идя в одну комнату, не попасть в другую; мы должны вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их (большевиков. – Авт.) влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же сделать социалистическую революцию»¹⁹. Эта мысль настолько захватила Плеханова, что он не раз возвращался к ней и позже: «Россия находится в таком переходном периоде своей экономической истории, – писал он, – в течение которого может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступить в соглашения с буржуазией для совместной борьбы с теми, кто задерживает развитие производительных сил». Но Плеханов не был бы социалистом, если бы тут же не добавил: «Наши "капитаны промышленности" обнаружили бы не меньшую политическую близорукость, если бы отказались сделать пролетариату все те уступки, которые экономически возможны в настоящее время»²⁰.

Чувствуется, как бьется Плеханов в тисках острейшего и безнадежно запутанного противоречия между классовыми и общегосударственными интересами, как старается он убедить классы-антагонисты, как определил их Маркс, в необходимости пойти на временные уступки и самоограничение. Но тщетно. Россия, взбаломченная войной и Февральской революцией, уже не слышала и не понимала Плеханова, а он не мог понять своих соплеменников, которые, как ему казалось, просто лишились разума и не ведают, что творят. Плеханов не понимал Ленина и Троцкого, не понимал Мартова и Дана, не понимал Керенского. Трудно представить себе более трагическую и, в сущности, безнадежную для "отца" русского марксизма ситуацию.

Не случайно по мере приближения к октябрьским событиям в статьях Плеханова появляется все больше тревожных ноток: «Враги революционной демократии, видя ее серьезные ошибки, готовы кричать: "Долой ее, распни ее!". Мы воскликнем наоборот: "Да здравствует революционная демократия, но да откажется она от тех ошибок, которые грозят окончательной гибелью как ее собственному делу, так и всей страны"»²¹. Однако остановить фатально надвигавшиеся на Россию события Плеханов уже не мог.

28 октября 1917 г., через 2 дня после восстания в Петрограде, он опубликовал «Открытое письмо к петроградским рабочим». Он начинает его с откровенного призна-

ния: «Товарищи! Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А.Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают». Объяснение Плеханова звучит при этом так: «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершил социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года». При этом он снова повторяет мысль, не раз высказанную им прежде: «Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны»²².

12 ноября 1917 г. большевики запретили издание газеты «Единство», но она продолжала выходить под слегка измененным названием «Наше единство». В первом номере от 19 декабря Плеханов благодарит за избрание его почетным председателем политического клуба меньшевиков-оборонцев «Рабочее знамя», в номере от 29 декабря делится воспоминаниями о том, как он и его товарищи участвовали в похоронах Н.А. Некрасова в 1877 г., а 13 января 1918 г. в последнем номере «Нашего единства» уже комментирует разгон большевиками Учредительного собрания, на выборах в которое плехановская группа «Единство» получила всего 27 тыс. голосов²³: «Тактика Смольного есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто тактика Нечаева»²⁴. Здесь же Плеханов возражает лидеру социалистов-революционеров В.М. Чернову, который полагал, что большевики – это «дети Плеханова». В этой связи Георгий Валентинович вспомнил, что однажды австрийский социал-демократ В. Адлер полуслухом говорил, что Ленин – это сын Плеханова, на что последний ответил тогда: если и сын, то незаконнорожденный. А вот и последний, видимо, окончательной вывод Плеханова: «Я до сих пор думаю, что тактика большевиков представляет собой совершенно незаконный вывод из тех тактических положений, которые проповедовали, опираясь на теорию Маркса-Энгельса»²⁵.

С тех пор прошло почти 90 лет. Изменился мир, изменилась Россия, и можно было бы, наверное, написать увлекательный, в чем-то смешной, а в чем-то и очень грустный роман, героем которого был бы Плеханов, попавший в наши дни в Петербург и Москву или в чуть-чуть знакомую ему по дням юности российскую «глубинку». Наверное, его приятно поразили бы масштабы научно-технического прогресса, размах деятельности СМИ, количество людей и автомобилей на улицах больших городов. Но наверняка было бы у него и немало отрицательных эмоций и тяжелых мыслей, связанных с разгулом осужденного им когда-то терроризма, острыми экологическими проблемами (Плеханов всегда выделял неоднозначную роль географической среды в жизни людей и судьбах целых государств), ростом национализма. Он с горечью констатировал бы, что в целом мир не стал за последнее столетие лучше и справедливее, скорее наоборот: Плеханова ужаснули бы страшные социальные контрасты, настоящая нищета миллионов людей, бесстыдные политические игры власти имущих. В современной России Георгия Валентиновича, несомненно, порадовали бы демократические свободы народа и в то же время ужаснули бы «дикость» и жестокость нашего новоявленного капитализма, корыстолюбие и социальный эгоизм непомерно разросшегося бюрократического аппарата, пассивность молодежи, слабость рабочего и социалистического движения и многое, многое другое. Ведь, по некоторым оценкам, уровень жизни узкой группы миллионеров и даже миллиардеров в 40 (!) раз выше, чем у основной массы населения современной России. И хотя в своей демократической Конституции Российской Федерации объявила себя социальным государством, многое указывает на то, что здравоохранение и образование – эти базовые компоненты социального государства – все больше втягиваются в режим рыночных отношений. А что уж говорить о пенсионном обеспечении наших людей, о положении дел в армии и науке? Быть может, посмотрев на все это, Плеханов даже подумал бы, что нужно опять начинать все с начала, как тогда, в теперь уже позапрошлом веке, когда он был молодым...

Но для нас в данном случае важнее другое: что полезного и поучительного могли бы найти в словах и делах великого социалиста Плеханова мы, россияне начала XXI в.?

Конечно же, стремление к свободе, демократии и социальной справедливости, которое было девизом всей его сознательной жизни. Конечно же, страсть политического борца, для которого был неприемлем мещанский покой и равнодушие к окружающему миру. И конечно же, его постоянное стремление к интеллектуальному совершенствованию, духовному обогащению себя и других, просветительству в самом широком и благородном смысле этого слова. Плеханов не употреблял еще слова «тоталитаризм», но когда он, уже умирающий, беспощадно критиковал первые антидемократические шаги советской власти, разглядев в них зародыш того, что через 10–15 лет превратилось в настоящую пародию на социализм в том его понимании, которое было у предшественников Маркса и у самих Маркса и Энгельса, он, по существу, выступал именно борцом против этого самого тоталитаризма, о котором, увы, уже часто беспечно и бездумно забывает нынешнее молодое поколение россиян.

В связи с этим естественно возникает вопрос: пригоден ли сегодня марксизм – тот марксизм, который Плеханов считал высшей социальной истиной своего времени, – для объяснения процессов, происходящих в современном мире? Этот вопрос тем более актуален, что европейская социал-демократия, вдохновлявшаяся 100 лет назад идеями Маркса, ныне утратила к нему всякий интерес, если не считать левых социал-демократов, особенно в западной молодежной среде. В современной России интерес к марксизму сохраняется в коммунистических и социал-демократических кругах, прежде всего у группы ученых, объединившихся вокруг журнала «Альтернатива». Но каков уровень их исследований и обсуждений? Интересна оценка аналитика В.А. Иноземцева, который пишет: «Российские марксисты не предприняли никаких серьезных попыток модернизировать "вечно живое" учение, не смогли выявить и усвоить близких себе по методологии западных теорий и даже не стали утруждать себя задачей с марксистских позиций осмысливать и описать новейшие тенденции в глобальной экономике и политике»²⁶. В российской социал-демократической среде выразителем идей марксистского социализма является Б.Ф. Славин – секретарь по идеологии при Правлении СДПР. Он, в частности, пишет: «Не следует забывать, что падение советского социализма – лишь исторический зигзаг на пути прогрессивного развития человечества. Оно не означает прекращения социалистического строительства в других странах, тем более оно не означает исчезновения социалистических идей и ценностей: напротив, они продолжают сохранять свою актуальность для тех, кто ищет действенную альтернативу миру отчуждения и насилия, кто считает, что лучший мир возможен и за него следует бороться»²⁷.

Определенный подъем социалистических настроений наблюдается на латиноамериканском континенте, где у власти в ряде стран находятся либо сторонники радикально-социалистических преобразований (Венесуэла, Колумбия, Боливия), либо деятели более умеренной социал-демократической ориентации (Чили). В Европе такие теоретики социал-демократии, как главный редактор журнала «Нойе гезельшафт/Франкфуртер хефте» Т. Майер или теоретик английских лейбористов Э. Гидденс, ставят вопрос о необходимости приспособления социал-демократии к новым условиям информационного общества. В настоящее время их занимает построение европейской социальной модели, а также способы влияния на нарастающие процессы глобализации.

Как известно, в самом конце XX в. в печати («Независимая газета») появился «документ», озаглавленный «Политическое завещание Г.В. Плеханова». При этом утверждалось, что оно было якобы продиктовано тяжело больным Плехановым незадолго до смерти его другу Л.Г. Дейчу и отражает итоговые взгляды «отца русского марксизма» на социализм, революцию, большевиков и Ленина. Текст «Завещания» был выдержан в сугубо реформистском духе и признан специалистами-плехановедами типичным апокрифом. В нем особо подчеркивалась роль интеллигенции как главного носителя прогресса, пришедшей в XX в. на смену рабочему классу. И очень знаменательно, что эта мысль, которая никак не принадлежит Георгию Валентиновичу, нашла живейший отклик у части российской интеллигенции, готовой признать, что эволюция революционно-социалистической концепции Плеханова зашла так далеко, что фактически при-

мирила его с Бернштейном, против которого он ожесточенно воевал в конце XIX в., ставя вопрос альтернативно: либо социал-демократия похоронит Бернштейна, либо он похоронит социал-демократию. История с «Завещанием» очень характерна для современных российских социал-демократических кругов и отражает реальные изменения в социальной структуре современного российского общества, в частности падение роли и значения рабочего класса, интересам которого служил Плеханов. Но думается, что к реальному Плеханову весны 1918 г. такие взгляды отношения все же не имеют²⁸.

Совершенно очевидно, что тяжело больной Плеханов просто физически не мог продиктовать /причем без ведома жены, для которой состояние здоровья мужа было предметом своеобразного культа/ столь обширный и сложный текст. Настораживают и слишком современный набор включенных в «Завещание» сюжетов, и его терминология, и не свойственная Плеханову, «таинственность» некоторых пассажей, не говоря уже о совершенно фантастических обстоятельствах хранения, шифровки и расшифровки данного произведения. Более чем сомнительно и то, что «прозрения» умирающего Плеханова зашли так далеко, что сделали его безоговорочным бернштейнианцем, поскольку сам он, напомним, считал, что сотрудничество классов – это атрибут лишь такого специфического периода в жизни любой страны, как война.

В заключение еще несколько замечаний. У Плеханова был довольно сложный и не всегда приятный для окружающих характер. Недаром его иногда называли «великим человеком со множеством мелких слабостей». Долгое время его считали в русской революции неким «барином», выдвигая на первый план его происхождение, манеры, одежду и забывая о его колossalном трудолюбии и органическом неприятии всякой социальной несправедливости. Плеханов всегда подкупал самостоятельностью и независимостью своих взглядов, желанием и умением отстаивать их перед любым, самым авторитетным оппонентом. Плеханов не сидел в тюрьмах и не был на каторге, предпочитая томиться в эмиграции. Он мог бы сделать блестящую военную или государственную карьеру, но душой остался со своим народом. У него был характер борца, способного идти против течения, и хотя Плеханов не был харизматическим вождем, магнетически действующим на многотысячную толпу, его острый аналитический ум, ораторский дар и литературный талант сделали его одной из самых ярких фигур в политической и интеллектуальной истории России конца XIX – начала XX вв.²⁹ Не получив законченного высшего образования, Плеханов «самоучкой» дошел до высот европейского гуманитарного знания, нарушив тем самым стереотипное представление о революционерах как об ограниченных, примитивных людях, все 24 часа в сутки думающих только о своих подпольных авантюрах (примерно того же типа были русские социал-демократы А.В. Луначарский, А.А. Богданов и некоторые другие).

Признавая наличие в современной ему России многих черт азиатчины и «азиатского деспотизма», Плеханов был классическим примером русского европеца, горячим сторонником модернизации и европеизации нашей страны при условии сохранения ее исторического наследия и самобытного облика. При этом смысл своей нелегкой и для кого-то довольно «странной», особенно по нынешним меркам, жизни Плеханов видел в служении своему народу и, прежде всего, простым людям труда. В этом смысле он и остается для нас примером того вечного поиска истины и справедливости, под знаком которого прошла вся его сознательная жизнь. Это был истинный патриот России – и в этом были его величие и залог того, что он навсегда останется в исторической памяти россиян.

Примечания

¹ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 290.

² См.: Филимонова Т.И. «...Организация Дома является лучшей данью памяти Георгия Валентиновича...» // К 75-летию Дома Плеханова. СПб., 2003. С. 5–14.

³ См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. II. С. 81; Т. XIII. С. 90, 92; Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: судьба русского марксизма. М., 1997. С. 9, 12.

⁴ Это концепция нашла отражение в лучшей биографии Плеханова советского времени: Курбатова И.Н., Иовчуку М.Т. Плеханов (серия ЖЗЛ). М., 1977.

⁵ История России с начала XIX века до начала XXI века. М., 2003. С. 349.

⁶ См.: Бэрон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. Перевод с англ. СПб., 1998 (оригинал книги: Вагон S.H. Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford. 1963. 1966); Тютюкин С.В. Указ. соч.; егоже. Плеханов Г.В. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 404–407.

⁷ Подробнее см.: Карапурза С.Г. Г.В. Плеханов и Февральская революция // К 75-летию Дома Плеханова. С. 207–228; Костяев Э.В. Отношение Г.В. Плеханова и его единомышленников к проблемам войны и мира в 1914–1918 годах. Саратов, 2002.

⁸ Цит. по: Курбатова И.Н., Иовчук М.Т. Указ. соч. С. 319–320.

⁹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. М.; Л., 1926. С. 288–289.

¹⁰ Плеханов Г.В. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. Т. I. Paris, 1921. С. 9.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же. Т. II. С. 81, 106.

¹⁵ Там же. С. 133.

¹⁶ См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 339–341.

¹⁷ Плеханов Г.В. Год на родине. Т. I. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 218. Плеханов использовал при этом цитату из Шекспира: «Желающий получить пшеничный пирог должен подождать, чтобы смололи муку» («Троили Кассира»).

¹⁹ Там же. С. 219.

²⁰ Там же. Т. II. С. 43.

²¹ Там же. С. 212.

²² Там же. С. 244, 246, 248.

²³ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 170.

²⁴ Плеханов Г.В. Год на родине. Т. II. С. 267.

²⁵ Там же. С. 268.

²⁶ Иноземцев В.А. Книгочей. М., 2005. С. Х.

²⁷ Славин Б.Ф. Социализм в России. М., 2004. С. 19.

²⁸ См.: Петренко Е., Филимонова Т., Тютюкин С., Чернобаев А. Существовало ли завещание? // Независимая газета. 2000. 4 марта.

²⁹ См.: Свалов П.Н., Тютюкин С.В., Филимонова Т.И. О Г.В. Плеханове и новом «историографическом прорыве» // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 173–175.